

Въ мертвецкой.

(Изъ замѣтокъ священника).

Анатомическая и мертвецкая находятся въ самомъ концѣ больничнаго двора. Около нихъ, на протянутыхъ веревкахъ, всегда сушится бѣлье, отъ котораго бьетъ въ носъ неприятный запахъ. Въ мертвецкой же пахнетъ отъ гробовъ свѣжимъ деревомъ.

Больница большая, и мнѣ часто приходится провожать ея насельниковъ въ далекій путь. Бываю я въ мертвецкой утромъ, когда солнце веселымъ лучомъ освѣщаетъ лица умершихъ и блеститъ на засмоленныхъ гробахъ. Прихожу вечеромъ, когда тѣни ходятъ кругомъ и странно оживляютъ лица мертвыхъ.

И сколько ихъ прошло предо мной! Когда думаю о нихъ, я закрываю глаза: мнѣ представляются длинные, бесконечно длинные ряды гробовъ; въ нихъ лежатъ строгія, вытянувшіяся фигуры, всѣ въ бѣлыхъ шумящихъ коленкоровыхъ рубахахъ, и на фонѣ ихъ выдѣляются темныя, суровыя лица.

Вотъ крѣпкій и здоровый человѣкъ. Къ высокому лбу прилипли бѣлокурые волосы, грудь поднялась. Поѣздъ перерѣзалъ его пополамъ, и кровь выступила даже теперь на высоко поднявшемся бѣломъ покрывалѣ. На сжатыхъ губахъ, на выдавившихся скулахъ вѣетъ ужасъ. Былъ ли то ужасъ, когда человѣкъ почувствовалъ, какъ чудовище, шумя и гремя, подходило къ нему, и страхъ боли сломилъ его душу, или это былъ ужасъ предъ жестокостью жизни, которая заставила его умереть?

Откуда онъ пришелъ? Кто плачетъ о немъ, кто его ждетъ? Гдѣ, въ какой душѣ оставилъ онъ слѣдъ свой?

А рядомъ съ нимъ лежитъ дѣвушка, завѣдывавшая читальней. Эту я зналъ хорошо. Вся преданная просвѣщенію темныхъ людей, постоянно въ хлопотахъ о какомъ-нибудь бѣдномъ студентѣ, всегда толковавшая о народномъ театрѣ, о волшебныхъ фонаряхъ, она билась, какъ рыба объ ледь.

Ея труды принимались, но слишкомъ эгоистично: ея доброе дѣло забывалось тѣмъ скорѣе, чѣмъ съ большею готовностью она дѣлала его. Но у нея не было опоры, безъ которой трудно служить людямъ, — не было личного счастья. Она такъ въ немъ нуждалась и, не выдержавъ, устранила себя. Ушла, какъ сотни другихъ, одинокая и безродная; никто не плакалъ о ней, никто не закрылъ ей глазъ.

Вотъ чиновникъ мѣстнаго банка. Я встрѣчался съ нимъ иногда, говорилъ незначащія фразы и, разставшись, забывалъ о немъ. Правда, глаза его были всегда такъ печальны, но только теперь, послѣ катастрофы, когда меня позвали къ нему, умиравшему отъ отравленія, я узналъ, какія муки дала ему жизнь.

Когда онъ умеръ, его жена растерялась, и я отпѣвалъ его въ мертвецкой. Никого не было при этомъ. Но послѣ мнѣ пришлось у него на дому пѣть по немъ панихиду. И тутъ я увидалъ самое нечистое выраженіе лица, какого никогда еще не видалъ у людей. Оно было у жены покойника. Она радовалась смерти мужа, но признавала себя преступной и боялась общественного мнѣнія; но вотъ, всѣ пришли къ ней и предоставили ей первое мѣсто, какъ женѣ и хозяйкѣ, и, еще испуганная, еще убитая сознаніемъ грѣха, она начинала чувствовать безстыдную мысль, что все пойдетъ хорошо, что люди не только не плюнутъ на нее, но и ничего ей не скажутъ.

И помнилъ ли кто о смертельной тоскѣ, что витала надъ мертвымъ, о которомъ мы молились теперь?

А дальше лежать двѣ блудницы; но какъ не похожи онѣ на тѣхъ блудницъ, о которыхъ пишутъ поэты.

Одна жила на самомъ краю города, въ убогой лачугѣ; у нея было трое дѣтей; мужъ затерялся въ Одессѣ, а она стала блудницей и часто служила молебны.

Все вымоетъ, вычиститъ. Старуху-мать усадить на подушки въ бѣлыхъ наволокахъ, дѣтей одѣнетъ въ чистыя платья и позоветъ сосѣдокъ. А во время молебна усиленно хлопочетъ около матери, ходитъ важно, говорить намѣренно „благородными“ словами и изрѣдка сверкаетъ глазами на сосѣдокъ. И какое-то гордое и безумное выраженіе мелькаетъ въ ея взглядѣ. И умирала она отъ злой чахотки, съ сердцемъ надорваннымъ и страшно взволнованнымъ, съ гордыми словами: „умираю, людямъ прощаю, дѣтей оставляю на Бога“.

А тамъ—другая блудница. Эта пришла ко мнѣ робко, говорила тихо. Все стыдилась и жаловалась: „Иду по улицѣ и боюсь; кажется мнѣ, что всякій знаетъ, кто я, прибѣтъ меня“.—Я утѣшалъ ее, какъ могъ, говорилъ о Христѣ, простившемъ блудницу, о томъ, что Господь любить душу обиженную. Слушала съ напряженнымъ и жаднымъ вниманіемъ.

— Знаю и вѣрю, что Господь по благости можетъ простить, но тяжело, что не могу перейти къ нему въ чистой и свѣтлой одеждѣ.—Смотрю,—въ чудесныхъ глазахъ безысходная скорбь. Потомъ поступила служить въ женское училище и очень хвалила учившихся дѣвушекъ и ихъ чистую и радостную жизнь. А глаза у нея дѣлались все больше, и она стала вся хрупкая и кроткая. И эта ушла...

Боже мой, какъ ихъ много!

И кажется мнѣ, что мертвецы спѣшаютъ, ужасно спѣшаютъ; что они торопятся унести какую-то тайну,

угрюмо оберегая ее отъ земли, чтобы скорѣе сдать ее тамъ.

— О чудесе!—поетъ возлѣ меня псаломщикъ.—Что сіе еже о насъ бысть таинство? Како предахомся тлѣнію?.. Воистину Бога повелѣніемъ...

А я хожу кругомъ гробовъ и сквозь кадильный дымъ вглядываюсь въ мертвыя лица. Вѣдь, это я послѣдній изъ людей, кому они отдають свои жалобы на жизнь, уходя изъ нея. И здѣсь я сознаю себя священникомъ, ибо, вѣдь, священникъ есть посредникъ между Богомъ и людьми. Я предаю эти души Богу и говорю Ему: Благой и Всемогущій Духъ! вотъ дѣти Твои; прими къ Себѣ ихъ взволнованныя души. О, дай имъ хоть тамъ познать всю радость жизни, на которую Ты создалъ человѣка. („Россія“).

Священникъ С. Николаевъ.